

DOI: 10.31857/S032103910008625-0

ТИТУЛ ХЕРИХЕБ КАК КОМПОНЕНТ СИСТЕМЫ «ХОЗЯИН ГРОБНИЦЫ – СЦЕНА» В ЕГИПЕТСКОЙ ЧАСТНОЙ ГРОБНИЦЕ СТАРОГО ЦАРСТВА

Ф. И. Куликов

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

E-mail: fedkulikov@yandex.ru

В статье рассматривается механизм функционирования египетской частной гробницы Старого царства как системы архитектурных и изобразительных компонентов. Выяснено, что большие изображения вельможи с титулом херихеб, как и его изображения в облике херихеба, маркируют основные места проведения в гробнице регулярной жреческой службы — на входе, в проходе из одного помещения в другое, между колоннами, перед сердабом и у ложной двери. Включение в титулатуру хозяина титула херихеб объясняется скорее не его прижизненным статусом, а стремлением мастера структурировать должным образом архитектурно-изобразительное пространство гробницы. Подобно атрибутам в руках, титул херихеб наделял большие изображения вельможи дополнительной функцией осуществлять жреческую службу и может считаться одним из важных компонентов системы.

Ключевые слова: Древний Египет, мастаба, египетская гробница, египетский рельеф, система, херихеб

THE TITLE OF THE LECTOR PRIEST AS A COMPONENT OF THE “TOMB OWNER – SCENE” SYSTEM IN THE EGYPTIAN PRIVATE TOMB OF THE OLD KINGDOM

Fedor I. Kulikov

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

E-mail: fedkulikov@yandex.ru

This paper considers the functioning mechanism of the Egyptian private tomb of the Old Kingdom as a system of architectural and pictorial components. It argues that the large images of the nobleman with the mention of the lector priest title, as well as his images pictorially

Данные об авторе. Фёдор Иванович Куликов — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии историко-филологического факультета ГАГУ.

representing him as a lector priest, mark the main venues of the regular priestly service in the tomb — at the entrance, in the passage from one room to another, between the columns, in front of the serdab, and at the false door. The inclusion of the title of lector priest in the titulary of the tomb owner can be explained not by his lifetime status, but by the desire of the master to properly structure the architectural and graphic space of the tomb. Like the attributes in the hands of the tomb owner, the title of the lector priest provided the large images of the nobleman with an additional function of carrying out the priestly service and can be considered as one of the important components of the private tomb system.

Keywords: Ancient Egypt, mastaba, Egyptian tomb, Egyptian relief, system, lector priest

Источниковая база древнего Египта имеет одну важную особенность: она в значительной мере, а для раннего периода — почти полностью, формируется на материале погребений либо объектов, связанных с культовой практикой. По этой причине египтологи, изучающие древнеегипетскую экономику, социальную структуру, государственное управление, внешние контакты, быт и религию, вынуждены обращаться, преимущественно, к публикациям результатов раскопок погребальных и храмовых комплексов либо к работам, обобщающим и систематизирующим археологический материал.

Включенность скульптур, настенных изображений, текстов, орудий труда, предметов быта и проч. в погребальный комплекс нельзя не учитывать при их использовании в научной реконструкции древнеегипетских реалий. Действительно, назначение погребения — обеспечить посмертное бытие его владельца — должно было в какой-то степени скорректировать набор и содержание находящегося в этом погребении материала. Этот постулат принимается исследователями по умолчанию, но насколько такая трансформация существенна, каковы ее характер и конкретные проявления, мы толком не знаем. Между тем понимание этих, казалось бы, узких источниковедческих проблем может в значительной степени изменить сформировавшуюся к настоящему времени научную картину древнеегипетской жизни.

Предметное изучение в этом направлении затруднено не в последнюю очередь в силу особенностей современной египтологии, которая зарождалась и развивалась скорее как дисциплина филологическая, основанная прежде всего на изучении письменного материала. Однако имеющиеся в нашем распоряжении тексты почти не содержат интересующей нас информации: для современников определенная трансформация повседневности в изобразительном пространстве гробницы была, по всей видимости, настолько естественной и обыденной, настолько органично вплеталась в менталитет жителей долины Нила, что не нуждалась в каких-либо пояснениях, толкованиях и теоретических обобщениях.

Выходом из этого затруднительного положения может стать смена исследовательских приоритетов. В нашем случае разумно изучать не только то, что написано и изображено, но и как изображения (сцены, сюжеты, отдельные фигуры) композиционно построены, где они в погребении находятся, как они сопологаются между собой, каким образом изменения в локализации и иконографии одной составляющей влияют на расположение и содержание другой. Другими словами, следует взглянуть на текст и изображения — рельефные или скульптурные

как на компоненты сложной многоуровневой системы староегипетской гробницы, способной функционировать должным образом только благодаря особому соположению архитектурного, изобразительного и текстового материала, расположение и содержание которого обусловлено некими мировоззренческими представлениями. Следует определить набор компонентов этой системы, уровни системы, основные корреляты, механизм взаимосвязи между ее различными составляющими. Полученные знания позволяют строить гипотезы о возможных формах, масштабах и причинах трансформации египетской повседневности в архитектурно-изобразительном пространстве погребения и внести определенные коррективы в методику использования источников.

В качестве объекта исследования лучше всего подходят частные (вельможеские) гробницы периода Старого царства (XXVII–XXIII вв. до н.э.; правление царей III–VI династий), среди которых есть немало относительно хорошо сохранившихся, со сложной архитектурой и развитой настенной изобразительностью. Большая часть гробниц этого времени сооружалась в некрополях Гизы и Саккары высококвалифицированными столичными мастерами, чем и объясняется как высокое качество работы, так и наличие признаков определенной унификации, свидетельствующих о сформировавшейся к тому времени художественной традиции.

Функция староегипетской гробницы – вельможеской мастабы или царской пирамиды, как и всякого погребения вообще, состоит в аккумуляции компонентов, необходимых и достаточных для продолжения посмертного существования ее хозяина в какой-либо ипостаси. Египетская гробница Старого царства, по всей видимости, с самого начала мыслилась как открытая система. Ее функционирование предполагает устойчивый контакт Двойника (Ка)¹ хозяина погребения с внешним, земным миром: в часовню периодически должны были навещаться жрецы (хозяин еще при жизни заключал с ними по этому поводу договор) для совершения обряда кормления его через жертвенник у ложной двери. Жрецы курили в помещении ладан, очищали водой с натроном жертвенный камень и продукты, возлагали продукты или их гипсовые муляжи на жертвенник, а жрец-чтец (херихеб) зачитывал названия продуктов со свитка и отправлял их особым жестом через ложную дверь адресату. После проделанной работы жреческая черета покидала помещения суперструктуры гробницы, предварительно удалив за собой следы тростниковым веником². Судя по всему, египетские погребения могли посещать не только служители культа: надпись на северном косяке входа в гробницу Каапера³ прямо призывает жреца или вообще всякого проходящего мимо человека лить воду, давать хлеб и пиво владельцу погребения, а за неимением их просто возглашать тысячу хлебов и пива, тысячу гусей, тысячу голубей, тысячу антилоп, тысячу быков и чистый ладан.

Однако даже заброшенная и забытая всеми староегипетская гробница не теряла своей функциональности. С периода Старого царства стены помещений ее суперструктуры стараются покрыть рельефами. В скромных мастабах рядовых служащих

¹ Bolshakov 1996; 2001.

² Kulikov 2012, 102–118.

³ Kanawati, Hassan 1996, pl. 49b.

ограничивались изображением на стеле и притолоке ложной двери хозяина, вкушающего хлеб. Таким способом художник передавал одновременно суть⁴, смысл и результат проходившей здесь жреческой службы. В погребениях относительно богатых сцену трапезы старались дополнить сюжетами сельскохозяйственных работ, переработки продуктов и изготовления необходимых предметов, их доставки вельможе, бытовыми картинками и сценами службы жрецов у ложной двери. Воссоздаваемый в рельефе производственный цикл и жреческая служба надежно обеспечивали Двойника всем необходимым, позволяли мастабе функционировать в закрытом режиме, а нам — рассматривать египетскую гробницу и как закрытую систему.

Как всякая система, египетская гробница могла быть действенной лишь при условии установления определенной многоуровневой корреляции между ее составляющими. Одним из самых простых уровней, доступных для понимания и изучения, является взаимодействие пары компонентов «большое изображение хозяина и расположенная перед ним сцена». Анализ десятков сцен убедительно показывает наличие достаточно устойчивой связи между иконографией хозяина и содержанием сюжетов. В частности, выяснено, что вельможа, наблюдающего за работами на болотах и в поле, за переработкой продуктов, а также за доставкой крупных животных, птицы и рыбы, предпочитали изображать в сандалиях, в запашном опоясании с выпущенной вперед лопастью, с посохом и платком в руках. Тот же вельможа, но показанный инспектирующим работы в ремесленной мастерской либо перед процессией слуг с уже готовыми продуктами, лотосом и вещами для жреческой службы, чаще всего снабжался художником коротким облегающим опоясанием, посохом и жезлом-хереп⁵.

Выявленная корреляция компонентов системы уровня «хозяин — сцена» скорее всего является отражением организационно-производственных реалий египетского государства, когда направляющийся с инспекцией чиновник должен был и выглядеть в соответствии с характером инспектируемых работ, и иметь определенные атрибуты. Безусловно, его административная активность во многих случаях дополнялась ритуальными действиями, для которых, собственно, и нужен был определенный набор инсигний. Мы знаем, что служащий в гробнице жрец должен был оперировать посохом и жезлом-хереп, касаясь ими предназначенных к службе продуктов и вещей⁶. Если принять во внимание, что в ремесленных сценах работники, как правило, показаны за изготовлением предметов

⁴ Круглый столик с хлебами на цилиндрической подставке, за которым трапезничает хозяин гробницы, является визуальным проявлением жертвенника в мире Двойника (см., например, Bolshakov 1994). Вполне возможно, что всякий жертвенный камень в представлении египтян был крышкой стола, с поверхности которого хозяин брал доставляемые ему продукты.

⁵ Kulikov 2013, 90–93.

⁶ К примеру, в сцене погребения из гробницы Мерерука (комната А-13, южная стена) херихеб касается своим посохом ящика с продуктами. Ярусом выше художник изобразил связанного быка. Это, а также изображение входа за спиной жреца, скорее всего в гробницу, позволяет видеть в происходящем ритуал приготовления продуктов к возложению их на жертвенник (Duell 1938, 2, pl. 130). Похожий сюжет обнаруживается в гробнице Кара (Simpson 1976, fig. 24).

культа — статуй, закладывавшихся в гробницу вещей, предметов для жреческой службы, то становится понятно, почему в руке вельможи такой же жезл. С другой стороны, некоторые предметы и элементы иконографии, вероятно, имели утилитарное назначение. Вряд ли стоит сомневаться, что чиновнику, отправлявшемуся с инспекцией далеко в болота или на пашню, были весьма кстати не только начальственное опоясание с выпущенной вперед лопастью (на рельефе оно показано как бы с выступающим вперед углом), но и сандалии, и платок.

Отмеченная выше корреляция между иконографией вельможи и содержанием сюжета хорошо выявляется в ходе формального анализа сотен сцен из десятков староегипетских гробниц. Тем не менее ее нельзя принимать за безусловное правило и экстраполировать на всю староегипетскую настенную живопись. Желание заказчика получить в мире Ка как можно полную модель вельможеского хозяйства в сочетании с относительно небольшими размерами его гробницы побуждали мастера соплагать в одной сцене и даже в одном ярусе сюжеты разного содержания — бытового, ритуального, производственного и прочее. Обычной стала практика совмещать в одной сцене изображение работ земледельцев на пашне, пастухов и птицеловов в болотах Нижнего Египта, ремесленников в мастерской, жрецов, спешащих к хозяину с полотном и кадилницами, а также доставщиков — с плодами урожая, птицей и животными. Эта практика вызвала появление очень интересного и необычного феномена: расположенные перед сценами большие изображения хозяина, главным назначением которых было смотрение на работы и доставку, стали включать в себя разные, соответствующие этим работам, иконографические формы и атрибуты.

Эта особенность хорошо видна в оформлении гробницы Каи в Гизе. Каи, с перевязью херихеба поперек груди, сопровождаемый женой и сыном, изображен на западной стене между двумя ложными дверями⁷. Здесь он обут в сандалии, держит посох и платок, носит парик, накладную бороду и короткое до колен западное опоясание с выпущенной вперед лопастью. Если в парике и с бородой херихеб изображается очень часто, а перевязь для службы ему была просто необходима, то опоясание этого типа, обувь, платок в руке и наличие рядом домочадцев для его изображений не характерно. Гораздо привычнее видеть эти атрибуты у вельможи в сценах смотрения за работами на свежем воздухе и доставкой животных. Подходящая сцена обнаруживается на соседней северной стене, где в четырех ярусах художник изобразил подгон скота, доставку птицы и отсечения ноги у жертвенного животного. Поскольку на узкой северной стене места для большого рельефа хозяина не нашлось, художник снабдил Каи-херихеба нужными атрибутами, после чего его большое изображение на западной стене получило дополнительную функцию смотрения на доставку к ложной двери птицы и отсеченной ноги. Таким образом, комбинируя подходящие атрибуты в атрибутивный набор, египетский мастер получал возможность наделять большое изображение вельможи, по меньшей мере, двумя функциями, содержание которых зависело от содержания размещенных рядом

⁷ Junker 1938, fig. 16.

сюжетов⁸. Лишенное чаще всего индивидуальных черт⁹, оно представляется нам лишь конструкцией, совокупностью нужных инсигний, способной благодаря правильному их подбору принимать подношения и исполнять очень важное для функционирования гробницы смотрение на размещенные рядом сюжеты.

Использование принципа совмещения иконографических форм можно видеть и в развернутых сценах жреческой службы¹⁰. Оформлявший гробницу художник не изображал всех участников череды и все их действия (это была бы очень трудоемкая, затратная да и в общем-то ненужная работа), а наделял две-четыре фигуры жрецов необходимыми для важных этапов службы атрибутами. В результате одно изображение фиксировало исполняемость нескольких действий, совершаемых во время службы двумя-тремя жрецами или одним жрецом, но в разное время. Разумеется, такой способ художественной передачи жреческой службы не позволяет однозначно и полно судить ни о количестве жрецов череды, ни о содержании совершаемой ими работы.

В изобразительном пространстве египетской гробницы времени и пространства, как мы их ощущаем, не было, как не могло их быть в мире Двойника. Не исключено, что Каи довелось быть и инспектором рабочих отрядов, и херихебом, но он не мог выполнять несколько работ одновременно, наблюдая сразу и за пахотой земли, и за сбором урожая, находиться одновременно и в Верховье, и в Низовье Египта. Мастеру важно было запечатлеть в рельефе непрерывную совершаемость событий, нужных для обеспечения посмертного бытия заказчика¹¹.

Возникает вопрос, можем ли мы включить в перечень компонентов системы, наряду с элементами иконографии вельможи и содержанием сцен, также и размещенные в гробницах иероглифические тексты либо их следует отнести к внешней среде и ограничиться изучением филологической составляющей. Ответить на вопрос можно, выяснив, подчиняются ли тексты определенным правилам локализации, которые мы пока распространяем на изображения¹² и на изобразительное пространство гробницы в целом. Для начала разумно ограничить

⁸ Более подробно см. Kulikov 2013, 87–102.

⁹ Индивидуальные черты можно видеть в статуях «согласно жизни» да в рельефах хозяина с явно выраженными физическими отличиями. См., к примеру, оформление гробницы карлика Сенеба (Junker 1941, Abb. 18, 20, 22). Интересно, что индивидуальные черты Сенеба имеют и соответствующие иероглифы в текстах его гробницы (ibid. Abb. 6).

¹⁰ Kulikov 2012.

¹¹ Египтянам важно было запечатлеть также последовательность совершаемых событий. Это достигалось путем особого расположения сцен в архитектуре помещений. Если принять некую часовню за обобщенный эмпирический объект, то у ложной двери на ее западной стене актуализировалась задача погребения — происходило кормление Двойника. Предшествующие кормлению действия — подготовка продуктов к службе изображались на южной стене, где часто размещались танцевально-музыкальные сюжеты и сцены жреческой службы. Получение, изготовление и доставка нужных для службы продуктов и предметов изображали на восточной стене с входом. Северная стена часто отводилась для сюжетов подгона скота и была, в смысле последовательности совершаемых событий, самой удаленной от ложной двери.

¹² Об особенностях локализации изображений хозяина с лентой херихеба см. Kulikov 2011.

исследовательскую задачу, взяв предметом исследования лишь одну группу письменного материала. Более всего для нашей цели подходит титул (название должности) хозяина гробницы, который относительно часто включается в титулатуру, сопровождающую его большое изображение. Для египтолога административные, религиозные, дворцовые и царские титулы являются одним из самых важных письменных источников по социальной градации и государственному управлению.

Среди десятков титулов был выбран религиозный титул херихеб («жрец-чтец», «жрец праздничных книг»), носитель которого исполнял, по всей видимости, главную роль как в ритуале погребения, так и в регулярной жреческой службе у ложной двери в часовне. В больших изображениях вельможи — хозяина гробницы он часто предстает перед нами в ипостаси жреца-чтеца — с широкой льняной лентой, повязанной поперек груди, от плеча до подмышки. Часто лента дополняется на рельефе изогнутой линией, идущей от подмышки до талии у живота, которая, видимо, передает продолжение той же перевязи, но выходящей из-под спины и засовывавшейся за пояс. В руках херихеб, как правило, держит посох и жезл; последний иногда заменяется свитком с жертвенной формулой и перечнем жертвуемых продуктов и вещей.

Обязанности херихеба в староегипетском обществе, если судить по содержанию многочисленных титулатур, могли исполнять люди самого высокого положения. Однако в фигуре вельможи-херихеба нельзя видеть намерение хозяина гробницы продемонстрировать либо закрепить в иной жизни свой прижизненный статус: будучи абсолютным владыкой в мире Двойника, он совершенно не нуждался в этом. Частое изображение хозяина-херихеба объясняется, видимо, его особой ролью: в архитектурно-изобразительном пространстве суперструктуры он сравнительно редко исполнял функцию смотрения, по большей части маркируя места проведения жреческой службы и заменяя собою ее полное изображение. Титул херихеб иногда сопровождает его изображение с лентой, но обычно включается в титулатуру при изображении вельможи с обычной иконографией.

Анализ научных публикаций десятков частных гробниц периода Старого царства позволил выявить 32 погребения с относительно неплохо сохранившимся оформлением, содержащим около сотни титулов херихеб и/или изображений хозяина с лентой херихеба¹³. В представленной ниже таблице показаны результаты формального анализа. Имена хозяев гробниц представлены в примерной

¹³ Хафхуфу I (Simpson 1978), Дебехни (Hassan 1943), Мерисуанху III (Dunham, Simpson 1974), Небимахти (Hassan 1943), Каунисут (Hassan 1936), Уашптах (Hassan 1936), Ниседжеркаи (Junker 1934), Каапер (Kanawati, Hassan 1996), Нисутнефер (Junker 1938), Хетепсешат (Junker 1934), Сехемкара (Hassan 1943), Канинисут (Junker 1934), Каи (Junker 1938), Хафхуфу II (Simpson 1978), Каемнефрет (Hassan 1936), Сенеджемиб/Инти (Brovarski 2003), Чету I (Simpson 1980), Чи (Epron 1939), Менуанх (Kanawati 1980), Нефер (Hassan 1941), Нихетепптах (Badawy 1978), Анхмахор (Kanawati, Hassan 1997), Неферсешемра (Kanawati, Abder-Raziq 1998), Мерерука (Duell 1938), Неджетемпет (Kanawati, Hassan 1996), Кап (Simpson 1976), Санхуиптах (Kanawati, Abder-Raziq 1999), Меху (Altenmüller 1995), Нисанхахти/Ичи (Hassan 1941), Урну (Davies, El-Khouli, Lloyd, Spencer 1984), Каихеп (Kanawati 1980), Чаути (Säve-Söderbergh 1994).

хронологической последовательности, в скобках указан номер рисунка или таблицы с изображением фигуры или титула в публикации. Поскольку нас интересуют только их локализация, количество фигур херихеба и/или его титулов в одном месте не указывается.

Таблица

Локализация изображений и титулов херихеба в суперструктуре частных гробниц

<i>Изображение хозяина-херихеба</i>	<i>Титул херихеб</i>	<i>Изображение хозяина-херихеба с титулом херихеб</i>
<i>На входе в помещение / камеру; на стене с входом</i>		
Небимахти (77); Уашптах (7); Каапер (49-b); Каи (14,15); Хафхуфу II (47); Каемнефрет (139); Менуанх (4); Нефер (170); Мерерука (7); Кар (28); Нисанхати/Ичи (107); Каихеп (7)	Дебехни (115); Небимахти (81); Каапер (50-a); Сехемкара (54); Сенеджемиб/Инти (16, 42, 67); Чи (X, XXXVI, XXXVII, XLV, LVIII); Мерерука (96, 191, 195, 213-B); Санхуиптах (23, 63, 64, 65); Каихеп (9); Чаути (14, 31)	Мерисуанху III (7); Небимахти (81); Чи (XXXVI, XXXVII, XLIII); Кар (28);
13	23	6
<i>Перед проемом в сердаб</i>		
	Мерисуанху III (4); Хетепсешат (33); Сехемкара (58); Чи (126, 128, 130); Чаути (19)	
0	7	0
<i>На колонне</i>		
Ниседжеркаи (8); Хафхуфу II (46); Чи (XII, XIII); Нихетепптах (9); Анхмахор (51); Каихеп (11, 16)	Чету I (14); Чи (CII, CIII-A); Неферсешемра (53, 55); Мерерука (101-A, 102-A, 102-B)	
8	8	0
<i>На ложной двери; на стене с ложной дверью</i>		
Хафхуфу I (32); Каунисут (86); Ниседжеркаи (8); Каапер (53-a; 53-b); Нисутнефер (27); Каи (16); Чету I (18); Нихетепптах (2); Урну (22)	Небимахти (82); Сехемкара (63); Канинисут (18); Чету I (16,20); Чи (136, LXIV); Мерерука (57, 62, 148, 159); Неджетпет (45); Меху (56, 75, 81, 90, 95)	Хетепсешат (28)
10	17	1
<i>Иные случаи</i>		
Мерерука (83); Каихеп (11)	Чи (LX); Мерерука (69, 70, 72, 73, 75, 113); Меху (9, 10, 13)	
2	10	0

Как видно из таблицы, очень часто, в сорока двух случаях, изображения хозяина в облике херихеба или соответствующий титул размещались художником на косяках и щеках входа в суперструктуру, или в одно из помещений суперструктуры, или невдалеке, на стене с входом. В 28 случаях они расположены на косяках

и щеках ложной двери или на стене с ложной дверью. Как известно, ложная дверь с жертвенником на западной стене часовни была главным местом проведения регулярной жреческой службы с участием херихеба. Она позволяла жрецам контактировать с Двойником, имела вид настоящей двери, а значит, также может считаться проходом. В 16 случаях фигуры хозяина с лентой через плечо и титул херихеб вырезались египетским мастером на колоннах и пилястрах. Необычное, казалось бы, их расположение объясняется особенностями восприятия египтянами пространства египетской гробницы: в их представлении колонны не только поддерживали потолок, но и, подобно стенам с проходом, делили большое помещение на отдельные секторы. Об этом свидетельствует практика размещения на стенах у колонн сельскохозяйственных сцен, сцен плавания вельможи в лодке, ловли рыбы и птиц сетями, обычных для оформления стен с входом в помещение¹⁴. Пространство между колоннами в этом случае воспринималось проходом между разными секторами, а сами колонны — косяками и щеками такого прохода.

В семи случаях титул херихеб сопутствует изображениям вельможи с обычной иконографией возле проема в сердаб — закрытое, как правило, помещение с одной или несколькими статуями хозяина и его домочадцев. Его появление у сердабов хорошо объяснимо: поскольку статуи нуждались в ритуальном кормлении, на стене у проема в сердаб довольно часто наносили изображения жрецов с продуктами, птицей, материей и курящих ладан. Изображение вельможи с титулом жреца-чтеца в этом месте дополняло, а часто и заменяло развернутый сюжет регулярной службы.

Устойчивая локализация изображений хозяина-херихеба или других его изображений с титулом херихеб в местах, связанных с входом или проходом скорее всего отражает особенности реальной службы жрецов в помещениях суперструктуры. Таким способом художник отмечал места проведения ее основных этапов — на входе в систему помещений, в проходах из одной камеры в другую, между колоннами, у сердаба и, наконец, у ложной двери над продуктами и жертвенником.

Исключения есть, но их немного, и все они обнаруживаются в больших многокамерных гробницах со сложной архитектурой. В скальной гробнице Каихепа из Эль-Хававиш необычное, казалось бы, положение изображения хозяина с лентой херихеба объясняется архитектурой зала. Две его колонны и пилястра разделили пространство зала на две части, в связи с чем обычные для стены с входом сюжеты и херихеб были размещены на пилястре и сразу за ней¹⁵.

В гробнице Чи необычное расположение титула херихеб обнаруживается в зале II. Он включен в титулатуру хозяина, изображенного на южной стене зала, довольно далеко и от входа, и от ложной двери¹⁶. Здесь Чи показан без ленты, в длинном парике, с подвязной бородой и платком в руке. Появление титула станет понятным, если обратить внимание на архитектуру зала и на содержание его рельефов. Длинные северная и южная стены покрыты сценами доставки птицы, лотоса и продуктов на столиках, — всего того, что слуги обычно несут в ложную

¹⁴ См., например, Badawy 1978; Kanawati 1980, fig. 5, 8, 11.

¹⁵ Подробнее см. Kulikov 2011.

¹⁶ Epron 1939, pl. LX.

дверь¹⁷. На притолоке входного проема восточной стены изображены столики с продуктами, цилиндрическая подставка под столик и сосуды для жреческой службы¹⁸. На западной стене подробно показан процесс приготовления пива¹⁹ — продукта, также необходимого для службы у ложной двери. Ложную дверь в зале II заменяет глубокая ниша в восточной части северной стены. Над ней находится еще одно изображение Чи²⁰, и тоже с титулом жреца-чтеца. Появление титула херихеб у изображения Чи на противоположной от ложной двери стене объясняется особенностями оформления египтянами многокамерных гробниц. Поскольку места в наземной части гробницы Чи было достаточно (суперструктура включает портик, три зала, два коридора и два сердаба), все стены зала II художник покрыл сценами, которые в погребениях с небольшой суперструктурой обычно стягиваются на стену с ложной дверью. Включение в список должностей нужного титула позволило большому изображению Чи на южной стене не только встречать процессию слуг, спешащих с поклажей к ложной двери, но и проводить там службу.

В гробнице Меху все три случая необычного размещения титула херихеб обнаруживаются в одной комнате, расположенной сразу за входом в суперструктуру. Он включен в титулатуру хозяина²¹, показанного три раза на разных стенах в заводях Низовья, добывающего с тростниковой лодки острогой или метательной палкой рыбу и птицу. Тот, что изображен на северной стене²², прямо напротив входа, носит чиновничье запашное опоясание, а в руках держит не палку или острогу, а посох и платок. Все сюжеты этой комнаты — плавание в болотных заводях и сбор папируса, подгон крупного скота, — в небольших однокамерных гробницах размещают обычно на стене у самого входа. Однако работавшие на Меху мастера, как и мастера Чи, не знали недостатка в рабочей поверхности (наземная часть включает большой колонный зал, две комнаты, длинный коридор, две часовни и сердаб) и позволили себе занять этими рельефами целое отдельное помещение, расположенное, впрочем, сразу за входным проемом. Снабдив три изображения Меху в лодке еще и титулом жреца-чтеца, они наделили их дополнительным свойством вести жреческую службу у входа в систему наземных помещений.

Больше всех исключений обнаруживается в гробнице Мерерука — визирия и зятя царя VI династии Тети. Она находится в Саккаре, включает тридцать два помещения (в том числе три колонных зала) и считается самым крупным частным погребением в этом некрополе. Мастаба Мерерука прекрасно декорирована раскрашенными рельефами, которые сравнительно неплохо сохранились и позволяют составить представление об изобразительном пространстве суперструктуры. Большая часть изображений хозяина с лентой жреца-чтеца или обычных его изображений с титулом херихеб локализуются в местах, связанных с проходом, — на стене входного портика, на косяках входа в камеры А-1, А-4 и А-9,

¹⁷ Epron 1939, pl. LXI, LXII, LXIV, LXV.

¹⁸ Epron 1939, pl. LIX.

¹⁹ Epron 1939, pl. LXVI.

²⁰ Epron 1939, pl. LXIV, LXV.

²¹ Altenmüller 1998, Taf. 9, 10, 13.

²² Altenmüller 1998, Taf. 9.

перед ложной дверью и на ложной двери часовни А-8, перед нишей со статуей Мерерука в зале А-13. Интересующие нас случаи фиксируются в комнате А-9.

Прямоугольная в плане комната А-9 ориентирована по оси север—юг. С другими помещениями она связывается двумя проходами на северной и южной стенах: проход на севере выводит в камеру А-15, проход на юге связывает комнату с часовней А-8. Рельефами покрыто все помещение, но поскольку северная и южная стены узкие, основное внимание художник обратил на оформление двух других стен. Иконографию Мерерука в этом помещении установить определенно теперь невозможно: от трех его больших изображений на северной, восточной и западной стенах сохранилась лишь нижняя часть рельефа. На северной стене, рядом с проходом в камеру А-15, он показан в полный рост, наблюдающим за доставкой больших ящиков с крышками²³. Изображения подобных ящиков встречаются часто в сценах, описывающих культовые действия. Такие же ящики на ножках, но с другими крышками, доставляют к дому бальзамирования жрецы в погребальной сцене Иди²⁴. Точно такими они показаны над ложной дверью часовни Санхуиптаха — вблизи сцены жреческой службы и списка жертв²⁵. В этих ящиках египетские жрецы хранили и доставляли к месту своей работы льняную ткань, на что указывает и содержание жертвенной формулы, в которой указывается тысяча кусочков бальзама и тысяча кусков материи.

Общее количество подносимых предметов в сценах доставки на других стенах впечатляет, но их перечень довольно невелик. Слуги несут в руках и тащат на волокушах запечатанные сосуды с разным маслом, а также цилиндрические подставки для ценбет. Ценбет — сосуды с узким основанием, узким горлышком и длинным носиком использовались жрецами в службе для возливания воды перед ложной дверью и на жертвенник в часовне. Несколько мужчин несут шейные украшения — пекторали. Поскольку верхняя часть рельефных сцен теперь разрушена, восстановить полностью набор титулов перед большими изображениями хозяина вряд ли возможно. Однако хорошо сохранившаяся титулатура Мерерука встречается несколько раз в нижних ярусах сцен доставки²⁶. И, что примечательно, во всех этих восьми титулатурах он был, помимо прочего, назван начальником херихебов.

Обилие титула «жрец-чтец» в помещении А-9 в череде доставщиков, безусловно, не может быть случайным. Набор доставляемых предметов — масло, льняная ткань, ладан, пекторали, сосуды для жреческой службы и отсутствие производственных и бытовых сцен, обычных в других камерах гробницы Мерерука, позволяют предполагать особое назначение камеры А-9. По всей видимости, она мыслилась как специальное помещение — либо для бальзамирования, либо для подготовки всего необходимого к регулярной жреческой службе у ложной двери. Весьма кстати и расположение камеры А-9. Она непосредственно примыкает к часовне А-8 с ложной дверью на западной стене, где, собственно, и проходила

²³ Duell 1938, pl. 73-b.

²⁴ Simpson 1976, fig. 35.

²⁵ Kanawati, Abder-Razid 1998, pl. 67.

²⁶ Duell 1938, pl. 69, 70, 72, 73, 75, 113.

сама служба. На это указывают и фигуры мужчин с поклажей, изображенные на южной стене А-9: развернутые к входному проему, они передают движение процессии в часовню, между тем вырезанная мастером на косяках входа процессия с поклажей обозначает движение внутрь помещения. Если так, то обилие здесь титулов херихеб в титулатуре Мерерука далеко не случайно. Они наделяли предполагаемого адресата способностью самому либо в составе вверенной ему жреческой череды подготавливать ткани, масло, ладан и прочее к службе у ложной двери, расположенной в соседнем помещении.

Таким образом, большое изображение вельможи в системе староегипетской частной гробницы является не чем иным, как сложным конструктом, комбинацией различных атрибутов, необходимых для установления нужной корреляции в системе уровня «хозяин — сцена». Наиболее значимым сюжетам из размещенной перед большой фигурой вельможи сцены должны были соответствовать определенные корреляты — жезл, платок, сандалии, тип парика и опоясания. Анализ материала частных староегипетских гробниц достаточно убедительно показывает, что одним из таких коррелятов является титул херихеб, входящий, обычно, в титулатуру вельможи рядом с его изображением. В его локализации, как и в локализации изображения самого херихеба, прослеживается устойчивая закономерность: они размещались мастером в местах проведения регулярной жреческой службы — на входе, между колоннами, у сердаба, у ложной двери.

Включение титула херихеб в перечень должностей при обычном изображении вельможи наделяло это изображение дополнительной функцией: помимо обычного смотрения на размещенную рядом сцену оно обозначало проведение в этом месте регулярной жреческой службы. В связи с этим возникает проблема сути и назначения титула и титулатуры: можем ли мы считать наличие титула херихеб при изображении хозяина гробницы отражением его соответствующего прижизненного статуса либо его нужно воспринимать лишь фикцией, одним из компонентов системы староегипетской гробницы, позволяющим функционировать должным образом миру Двойника.

Литература / References

- Altenmüller, H. 1995: *Die Wanddarstellungen im Grab des Mehu in Saqqara*. Mainz.
- Badawy, A. 1978: *The Tomb of Nyhetep-Ptah at Giza and the Tomb of Ankhmahor at Saqqara*. Berkeley—Los Angeles—London.
- Bolshakov, A.O. 1994: Hinting as a method of Old Kingdom tomb decoration. *Göttinger Miszellen* 139, 9—32.
- Bolshakov, A.O. 1996: *Man and His Double in Egyptian Ideology of the Old Kingdom*. Wiesbaden.
- Bolshakov, A.O. 2001: *Chelovek i ego Dvoynik. Izobrazitel'nost' i mirovozzrenie v Egipte Starogo Tsarstva [Man and his Double. Pictorialism and Worldview in Egypt of the Old Kingdom]*. Saint Petersburg.
- Большаков, А.О. *Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства*. СПб.
- Brovarski, E. 2003: *The Senedjemib Complex. Pt. I. The Mastabas of Senedjemib Inti (G 2370), Khnumenti (G 2374), and Senedjemib Mehi (G 2378)*. (Giza Mastabas, 7). Boston.
- Davies, W., El-Khouli A., Lloyd A., Spencer A. 1984: *Saqqara Tombs I. The Mastabas of Mereri and Wernu*. (ASE, 36). London.
- Duell, P. 1938: *The Mastaba of Mereruka*. Pt. I—II. Chicago.
- Dunham, D., Simpson, W.K. 1974: *The Mastaba of Queen Mersyankh III (G 7530—7540)*. (Giza Mastabas, 1). Boston.

- Epron, L. 1939: *Le tombeau de Ti*. Fasc. I. *Les approches de la chapelle*. Le Caire.
- Hassan, S. 1936: *Excavations at Giza*. Vol. II. 1930–1931. Cairo.
- Hassan, S. 1941: *Excavations at Giza*. Vol. III. 1931–1932. Cairo.
- Hassan, S. 1943: *Excavations at Giza*. Vol. IV. 1932–1933. Cairo.
- Junker, H. 1934: *Giza II. Die Maṣtabas der beginnenden V. Dynastie auf dem Westfriedhof*. Wien–Leipzig.
- Junker, H. 1938: *Giza III. Die Maṣtabas der vorgeschrittenen V. Dynastie auf dem Westfriedhof*. Wien–Leipzig.
- Junker, H. 1941: *Giza V. Die Maṣtaba des Šnb (Seneb) und die umliegenden Gräber*. Wien–Leipzig.
- Kanawati, N. 1980: *The Rock Tombs of El-Hawawish. The Cemetery of Akhmim*. Vol. I. Sydney.
- Kanawati, N., Abder-Razid, M. 1999: *The Teti Cemetery at Saqqara*. Vol. III. *The Tombs of Nefersehemre and Seankhuipah*. Warminster.
- Kanawati, N., Hassan, A. 1996: *The Teti Cemetery at Saqqara*. Vol. I. *The Tombs of Nedjet-em-pet, Kaaper and Others*. Sydney.
- Kanawati, N., Hassan, A. 1997: *The Teti Cemetery at Saqqara*. Vol. II. *The Tomb of Ankhmahor*. Warminster.
- Kulikov, F.I. 2011: [The arrangement of the images of tomb owners as lector-priests in Old Kingdom tombs]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 53–61.
- Куликов, Ф.И. Размещение изображений вельмож-херихебов в староегипетских гробницах. *ВДИ* 1, 53–63.
- Kulikov, F.I. 2012: [Priest service as depicted in chapels of Old Egyptian private tombs: some principles of composition]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 102–118.
- Куликов, Ф.И. Изображение жреческой службы в часовне староегипетских частных гробниц: некоторые принципы построения сюжета. *ВДИ* 2, 102–118.
- Kulikov, F.I. 2013: [Sceptre and kerchief as correlates within the system of Old Kingdom tomb decoration at the level “tomb owner – scene”]. In: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. 66. Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2011–2012. [Transactions of the State Hermitage Museum. Vol. 66. St. Petersburg Egyptological Readings 2011–2012]*. Saint Petersburg, 87–102.
- Куликов, Ф.И. Жезл и платок как корреляты в системе оформления староегипетской частной гробницы уровня «хозяин – сцена». В сб.: *Труды Государственного Эрмитажа. Т. 66. Петербургские египтологические чтения 2011–2012*. СПб., 87–102.
- Säve-Söderbergh, T. 1994: *The Old Kingdom Cemetery at Hamra Dom (El-Qasr wa es-Saiyad)*. Stockholm.
- Simpson, W.K. 1976: *The Mastabas of Qar and Idu. G 7101 and 7102*. (Giza Mastabas, 2). Boston.
- Simpson, W.K. 1978: *The Mastabas of Kawab, Khafkhufu I and II*. (Giza Mastabas, 3). Boston.
- Simpson, W.K. 1980: *The Mastabas of Western Cemetery*. Pt. I. (Giza Mastabas, 4). Boston.